

КРЫМСКИЙ ВОЗДУХ

Он жил тогда в Полтаве, на горе Панянке, увековеченной в опере «Наталка Полтавка»:

Ой, по горі, по Панянці
Ішли наші новобранці...

Было трудное время гражданской войны. Но не умирала классическая украинская песня. Студент Киевского музыкально-драматического института по классу Елены Александровны Муравьевой Иван Козловский уже и тогда отличался мастерским исполнением украинских песен. В Полтаве он солировал, дирижировал хором, был одним из ревностных участников творческой жизни того грозного времени.

— Помню,— говорит Иван Семенович,— как согрела меня похвала моего замечательного земляка Владимира Галактионовича Короленко. Из-за экономической разлуки и частой сменности властей Короленко приходилось туго. Случалось, этот выдающийся писатель зарабатывал себе на жизнь тем, что мастерил чоботы и черевички. Иные тогдашние «Оксаны», приобретая новые черевички, не подозревали, что они сотворены руками автора «Моего современника».

Однажды, нарядившись в праздничные украинские костюмы, хор, которым дирижировал Козловский, явился к Короленко с рождественской звездой, шутками и песнями колядовать. Величали Владимира Галактионовича, и он тепло отозвался о том, как исполнялись резвые колядки и старинное торжественное «Добрий вечір, тобі, пане-господарю».

Немало было таких эпизодов в жизни юного Козловского. Но некоторое время его увлекало не столько вокальное, сколько драматическое искусство. Особенно благодаря одному случаю. Полтавский театр, в котором играли тогда выдающиеся артисты, решил поставить «Чудо святого Антония» Метерлинка.

— Казалось чудом,— шутит Иван Семенович,— что мне поручили исполнять главную роль в этом «Чуде». Впрочем,— неожиданно переходит он к новой теме,— мало ли чудес на свете!—И раскинув руки, словно обнимая воздух, добавляет:—Вот хотя бы этот крымский воздух.

Мы сидим в холле одного из корпусов санатория «Нижняя Ореанда». Лимонного цвета георгины, похожие на хризантемы, стыдливо заглядывают в окна. А лигуструмы, кипарисы, тиссы, спускающиеся с горы, явно недовольны тем, что фасад из белого инкерманского камня, диоритовые колонны и все большое здание санатория загородили им дорогу. Темные листья и хвоя, кажется, хмурятся. И даже сейчас, ясным осенним утром, в холле темно.

Во втором этаже заиграли на пианино. Козловский замолчал и поднял лицо в направлении робких звуков. Оно осветилось сдержанной улыбкой. Словно запирая готовую вырваться навстречу мелодию, Иван Семенович приложил ко рту руки и слушает. Потом встал с дивана и прошелся. Он высокий, стройный. Короткий зеленый пиджачок еще больше подчеркивает длину ног. Белые волосы оттеняют загоревшее гладкое лицо...

— Да,— просто и задумчиво говорит он,— «Лознгрин», даже исполняемый неуверенной рукой,— все-таки

★
ОЧЕРК
★

«Лознгрин». — Козловский снова поглубже уселся на диване. Голубые, просветленные любимой мелодией глаза уставились через окно на георгину. Словно обращаясь к ней, Иван Семенович тихо повторяет только что проигранную мелодию.

Но вскоре он опять начинает разговор о крымском воздухе.

— Вы, конечно, знаете, что чистый воздух нужен певцу как... воздух. Если, скажем, в Москве его не хватает, надо в профилактических целях ежегодно навещать Крым. Это я хорошо усвоил благодаря прежде всего чудесному человеку—Николаю Александровичу Семашко.

Козловский замолчал, задумался, видно вспоминая. Вспомнился и мне обаятельный человек с большими лучистыми глазами, с седой бородкой и плотной фигурой. Как говорится, типичный земский доктор. Семашко и был доктором. Только не земским, а всероссийским. Старый большевик, он долгие годы занимал пост наркома здравоохранения РСФСР.

— Так вот,— продолжал между тем Иван Семенович,— сидим мы однажды с Семашко в Нижнем Мисхоре, на берегу, бросаю в море камешки. Николай Александрович расспрашивает о первых моих выступлениях. Между прочим, я описал забавную историю о том, как приезжал на некоторые спектакли верхом на лошади.

После короткой паузы Козловский пояснил:

— Одно время я служил в инженерных войсках Красной Армии. Саперная часть стояла в Полтаве и после гражданской войны. Я уже был оперным певцом и выступал в театре, ставившем украинские музыкально-драматические пьесы и русские оперы. От Панянки до театра было далеко. Для поездки туда давали кавалерийского коня. Мне нравилось попадать «с корабля на бал», то бишь, с коня на сцену, где я играл то доктора Фауста, то Ленского, то Левка.

А в «Демоне», исполняя партию Синодала, я выезжал на том же коне на сцену. Кстати, тогда еще я почувствовал, насколько губителен натурализм в опере, как и в искусстве вообще. «Снаряди гонца к невесте»,— пел я. Далее, обращаясь к артистам хора, я повернулся спиной к публике и к дирижеру А. Г. Ерофееву. Что он слышал, что слышала публика, трудно уяснить. Но видели они круп лошади и хвост, которым она помахивала почти в такт музыке. Смех был и на сцене, и в зрительном зале.

Но забавляясь этими воспоминаниями, мы с Н. А. Семашко вели и серьезные разговоры. «Вы, Ванечка,— говорил он,— хорошо делаете, что в Крым ездите. Запомните, дело тут не в возрасте. Сколько бы ни было лет артисту, преподавателю, оратору, ему не безразлично, где отдыхать, каким воздухом дышать!» Семашко дал нам научную формулу южнобережного воздуха и доказал, что именно этот воздух особенно полезен людям названных профессий. Я ежегодно стараюсь бывать в Крыму, хоть на десяток дней заглядываю в любимые места.

Козловский порывисто поднялся с дивана:

— Вот парадокс: о воздухе беседуем в помещении. На воздух!

Иван Семенович надел на голову белую индийскую шапочку—подарок Марии Павловны Чеховой, в свою очередь полученный в подарок от Джавахарлала Неру, и вскоре мы очутились под двухсотлетним платаном толщиной в четыре обхвата. Он похож скорее не на дерево, а на рожицу, окруженную полянками. Солнце, проходя через многоярусные пластины крупных вырезных листьев, бросало на полянки узорную светотень.

Во все стороны от платана раскинулись на полсотни гектаров куртины и грядки замечательного парка. Над его дорожками, змеившимися по горным склонам, протягивали свои ветви кедры, буддлей с большими, сладко пахнущими сиреневыми соцветиями, вечнозеленые фотинии, у которых началась осенне-зимняя «линька»: длинные, но щекастые листья с изнан-

ки порозовели, а с лица стали ярко-земляничными.

Козловский обратил мое внимание на гору Крестовую, круто поднимавшуюся над парком и покрытую крымскими соснами. Вместе с можжевельниками, дубами, терпентинными и другими деревьями соседних гор они образовали непроходимый лес.

— Вот кто вносит неоценимый вклад в крымскую природу,— сказал Козловский о лесе. Потом повернулся к морю:—А море прибавляет к основному настою воздуха свои драгоценные ионные, бромные испарения, свое влажное дыхание. Из этого смешения и получается целебный крымский воздух.

— Простите, но я не могу не вмешаться в ваш разговор,— раздался взволнованный голос.

Мы заметили женщину, срезавшую секатором розы в ближайшем цветнике, и приблизились к ней. Высокая, тонкая, но не худая, эта женщина с охапкой роз, георгинов, буддлей, смуглая, с короной темных волос, казалась живым олицетворением юга.

— Иван Семенович,— укоризненно обратилась она к Козловскому,— разве вы каждое утро не находите в своей комнате свежие розы, разве всех, кто отдыхает в нашем санатории,—она повела вокруг себя рукой,—не окружают розы?

— Конечно,— растерянно согласился Козловский, не зная, к чему клонит эта женщина.

— Так вот,— ввнула она,— если вы говорите, из чего состоит крымский воздух, не обижайте, пожалуйста, и парковую растительность.

Мы узнали, что перед нами агроном-декоратор санатория Мария Егоровна Гуляева, что парк остро нуждается во влаге, что воду приходится возить в цистернах из Ялты, что не хватает садовых рабочих... и что, несмотря на все это, парк, как видите, зелен, свеж и в нем одновременно цветет до семи тысяч кустов роз.

Мария Егоровна повела нас по бесконечному розарию, приглашая полюбоваться канареечно-розоватыми Глория Деи, красными Лаурент Карле и розами Новичкова, лепестки которых напоминают по цвету то топленые сливки, то бледную морковь, а на загнутые концы лепестков, кажется, зоря стряхнула капельки своих лучей. Стараясь запомнить запах одного куста, мы спешили к другому, сравнивая

И. С. КОЗЛОВСКИЙ.

с его запахом. Мария Егоровна, счастливая, сверкая круглыми серыми глазами, все вела нас вперед, гордясь вниманием к ее питомцам. И вдруг спохватилась:

— Что же я разгуливаю! Некогда ведь...

Козловский ушел вперед по дорожке, тихо напевая «Лознгрину». Беседа с ним навеяла еще одно воспоминание. В 1914 году видный украинский педагог-вокалист Александр Филиппович Мишуга вместе с известным итальянским певцом Батистини создал вокальную школу под Лубнами на Полтавщине. Занятия проводились только летом, так как Мишуга и Батистини были убеждены, что лучший союзник певца—это чистый сухой теплый воздух.

И, размышляя о всем, услышанном от Козловского, я подумал: «Видно, в арии нашего любимого певца составной частью входит...»

Внезапно Козловский повернулся ко мне и, будто угадав мои мысли, закончил:

— Да, крымский воздух это вам не «Чудо святого Антония», это,— поискав нужное определение, он махнул рукой и повторил:

— Это крымский воздух!

Помолчал и добавил:

— Дар природы всеблагой!

Подумал и поправился:

— Нет, тут не только природа, тут и вековой замечательный труд!

Г. СОКОЛОВ.

257

„КУРОРТНАЯ ГАЗЕТА“
г. ЯЛТА

17 СЕН 1960